

УДК 39

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-122-127

Н. О. Тадышева

НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Современные предания, легенды, былички алтайцев: смыслы, образы, функции

Аннотация. С использованием полевых материалов автора, записанных во время экспедиций в разных районах Республики Алтай, предпринята попытка рассмотреть на основе современных преданий, легенд, представлений устойчивость архаических культов, сакральность воззрений и изменчивость обрядов в современных условиях. Сохранение в памяти народа архаических воззрений дает возможность проанализировать важные для общества ценности. Фиксация и публикация фольклорных полевых материалов содействует сохранению и популяризации исторической памяти народа. **Ключевые слова:** алтайцы, полевые материалы, сакральное пространство, традиционное мировосприятие, зооморфный код, нормы поведения.

Смена эпох повлияла на причину трансформаций традиционной культуры: так, некоторые элементы культуры адаптируются к этим изменениям, другие отмирают. Каждому этносу, культуре проходящим данный процесс, характерны особенности, появляются собственные механизмы адаптации. В современной традиционной культуре алтайцев отражены и социокультурные изменения общества в связи с внедрением в традиционную обрядность элементов социалистической обрядности, новых представлений и практик, возникших в ходе интенсификации духовных поисков в постсоветское время.

Для рассмотрения традиционной картины мира алтайцев обратимся сегодня к фольклорным материалам, в частности преданиям, легендам, быличкам – несказочной прозе алтайцев, в которой можно проследить архаические воззрения, быт, обряды, обычаи.

Алтайцы одушевляли природу, верили, что отдельные растения, деревья и звери – обиталища или воплощение того или иного духа. Таинственные силы, явления природы сформировали анимистические образы духов-хозяев местности. Как поделилась информант из Онгудайского района: «Во времена нападения маньчжур алтайцы спаслись на высокой горе Кызыл-Кайа. На вершине этой горы люди долго находились, воды нет, еды нет, ничего нет. Когда эту гору атаковали, много жертв было, крови много пролилось. Я маленькая была, слышала это. На гору Кызыл-Кайа женщине нельзя подниматься, это почитаемая гора, так говорят. Одна молодая женщина поднялась, чтобы посмотреть. Ногу сломала, долго в гипсе была [1, перевод Н. О. Тадышевой].

В Шебалинском районе, по рассказам местного населения, гора Стая является священной горой, женщинам нельзя подниматься на эту гору. Как рассказала информант, в детстве она с подружками поднялась на эту гору: «В начале 1960-х гг. я лазила на гору Стая. Когда я первый раз забралась на эту гору, а потом спустилась домой и похвасталась, я была мамой отлуплена на нет. Ладно бы просто поднялась, так я еще *арчын* [можжевелник] сорвала, притащила. Меня отлупили на нет. Отец меня та-

щил назад на эту гору с арчын вместе, с бутылкой молока. Короче я положила, да и не помню, туда я положила или не туда, но факт тот, что на гору. Отец спрашивал: „Где рвала?“ А где я запомню, где я рвала. Вот туда унесли с дедом. Он молоко разбрызгивал, что-то шептал. Прощения, видимо, просил за меня. А дома я была отодрана мамой. Это 1965 год был, мне лет семь было. Нельзя подниматься девочкам, девушкам, женщинам, тем более рвать *арчын*. Вот эту прогулку в гору я надолго запомнила [2].

Отражены представления о нарушении норм поведения, в одном случае наказание получено от Ээзи (духа-хозяина) горы, в другом – проведен обряд с просьбой прощения за нарушение. Отражено также сакральное отношение к *арчын*, молоку, которые в обрядности алтайцев на первый план вышли в связи с возникновением и распространением бурханизма.

Сохраняются представления о культе гор, в котором отражена сакральность священной родовой горы *ыйыктуу*. В шаманизме *Ээзи* (дух-хозяин) гор является покровителем рода и семьи. Культ родовых гор тесно связан с культом родовой территории. Культ почитания гор существует у алтайцев с древнейших времен. Многие священные вершины обозначаются терминами *ыйык* (освященное), что зафиксировано еще в древнетюркских надписях. Архаические поверья и обычаи, связанные с культом гор, применяются ко всем священным горам. Они считались запретными для охоты, заготовки дров, пастьбы скота. Невесткам, так как они представительницы чужого рода, не разрешается подниматься на родовую гору. В наше время во время обряда поклонения Алтаю, который совершается по таким важным пограничным промежуткам времени года, как смена холодного сезона теплым и наоборот: зимой проводится праздник встречи Нового года Чага-Байрам, весной – *Лылгайак* (проводов зимы), на исходе весны – *Лажылбур* ‘Весеннее моление’, осенью – *Сары бур* ‘Осеннее моление’ с просьбой дать благословение обращаются к горным вершинам Алтая.

Воззрения о структуре мира объясняют нормы поведения и отражают ориентацию человека в пространстве и времени. В традиционной картине ми-

ра алтайцев прослеживается тернарная модель мира деление по вертикали на три части верх—середина—низ, небо—земля, подземный, а также сильны представления о семи направлениях — вверх, вниз, в центр, на север, на юг, на восток, на запад. Основополагающим является в алтайской модели число 9, воззрения о девяти слоях неба, о сакральной животельной воде из девяти источников, девяти морей [3, с. 95].

По представлениям алтайцев, в Верхнем мире находятся божества *Үч-Курбустан*, *Кудай*, *Бырман* [3, с. 85, 99], помощники *Кудай*: *Подо-Сүнкү* — луну-солнце укрывающий, *Мангы-Шуре* — землю, небо охраняющий, *Май-Тере* — хорошее от плохого избавляющий [3, с. 65]. Также в мифах отмечают небожителей *Үлгенкудай* с сыновьями: «На синем небе жил *Үлгенкудай*. У *Үлген* было, оказывается, семь сыновей: *Лажакан*, *Кара-Кускун*, *Бокту-Каан*, *Лайык*, *Каан-Ламан*, *Карыпјат*, *Карјаан*, *Эрлик* — брат *Үлген*. У него тоже было, оказывается, семь сыновей: *Темир-Каан*, *Керелей*, *Батыр-Сокор*, *Эртеке*, *Абрам-Уул*, *Кара-Сокор* и другие» [4, с. 20].

В Среднем мире обитают *Ээзи* (хозяева) местности, *Ээзи* водных источников, *Ээзи* родовых, почитаемых гор, семейные божества: *От-Ээзи* (Хозяйка огня), *Лайык* как зафиксировано, является *Ээзи айыла*. Он охраняет души домочадцев от разных черных сил, болезней-несчастий. *Лайык* почитаем [5, с. 298; перевод Н. О. Тадышевой]. Хранители дверного порога — сыновья *Эрлик*, для поддержания порядка между злыми духами в их внутренней жизни и охранения человека от их произвола [4, с. 7].

Зоны смерти связаны с севером, западом и Нижним миром. По традиционным представлениям алтайцев, хозяином Нижнего мира, мира предков, является *Эрлик-Бий*, который спустился из Верхнего мира.

Во время экспедиций информанты делились быличками о *Ээзи* (Хозяевах) той или иной местности: «Старые люди рассказывали, потом мои одногодки подтвердили, что в Малиновой яме [местность перед Кукуинским перевалом] Хозяин есть. Когда темно там, что видели его, большой белый конь у него — грива такая, до самой земли, и у него борода длинная. Мужчина. Когда едет весь в белом так, не вот как человек. Мы не верили, и вот дядя Вася, покойник сейчас, он там табунщиком работал, Меркетов, вот он говорил, что там, мол, Хозяин есть, и, если будешь наглеть, он укажет. Мы-то не верили, ездили по ягоду, на охоту ездили, все ездили. С нами был мужик, он сейчас в Мухор-Черге живет. А он любитель был на охоту. Раз съездил, зайчика подстрелил, мужики говорят: ну и все, хватит, кого, давай сварим да пока не съедем. — Нет, я еще поеду. На второй вечер поехал и прилетел, репа чайная, волосы дыбом, пешком прибежал. Спрашиваем: „Что такое, Мишка?“ А он: „Вот, говорит, я сiju. А там родничок такой, мы его Сопливим зовем, разливается постоянно. А кругом нет [воды]. Вся живность туда ходит на водопой. И смотрю, говорит, идет косуля. Ну, думаю,

стрельну, наверное. Тут сбоку зашеборчало». Он так повернулся — там Хозяин едет на коне. Метра два, говорит, ростом, конь у него такой мощный. Косуля туда смотрит, а он [Хозяин] сюда выехал и на него посмотрел и пальцем ему [погрозил]. „И все, больше не помню ничего“, так сказал. И вот после этого туда мы мало ездим. Ну, по ягоды днем, а ночью нет [смеется]» [6].

В другом районе рассказали: «*Ээзи* [духа-хозяина местности] я видела. С белой бородой человек был, на бело-сером коне. Моя мама заболела, я работала в бригаде тогда, косили траву для колхоза. Однажды пришел человек и сказал, что мама моя сильно заболела и просит меня прийти. Я потом вечером собралась идти в *Шибе*. Через *Кенги* нужно добираться до *Шибе*. Отпросилась у бригадира, Танза Беленова, что мне нужно домой. Он отпустил, но спросил, как я ночью пойду, предложил идти с утра. Я объяснила, что не смогу усидеть до утра, мне домой надо, мама заболела. Как я собралась идти вниз, Синдикеев Тыкыр, из *Шибе*, он работал конюхом, у него был необъезженный конь, на котором он сам ездил верхом, недавно приученный; он мне сказал, что хотел бы дать коня, но утром работать всем надо. И спросил, смогу ли я на его необъезженном коне удержаться, не упаду ли. Я ответила, что дайте, я не упаду. Он отдал мне своего коня, необъезженный конь был. Я вскочила верхом на коня и, торопясь, спускалась вниз, на той стороне, теперь где урочище *Бадайский*, по мосту переехала на ту сторону, там дорога есть по урочищу *Буландык* вниз спуститься. Ехала по берегу реки, чуть спустилась с места, где работала наша бригада, конь начал фыркать и смотреть в сторону. Я тоже обернулась туда, там болотистое место, конь там не пройдет. А здесь на сером коне с белой бородой мужчина, в руке держал кнут, на сером коне прямо иноходью, прямо рысью, прямо быстрой иноходью ехал. Я тоже быстро ехала, он меня практически догнал. Поравнявшись со мной, этот человек на коне рядом со мной поехал. В начале урочища Сары-Кобы была кубка. Он доехал до этой кубки и исчез. Доехав до дома, я привязала коня пастись рядом с домом, где хорошая трава была. В айыле мама лежала заболевшая, и с ней находилась медик. С утра собиралась везти маму в *Ондой*, в больницу. Вот здесь мне страшно стало, а когда я увидела этого человека с бородой, не испугалась. С большой бородой человек, раньше кержаки с белой бородой были, вот этот человек с такой бородой был. Увидев это, я не испугалась этого человека на коне. Он рядом, не близко, не посередине дороги, а с краю дороги иноходью ехал, человек с конем, ездящим иноходью. До начала Сары-Кобы доехал. Потом посмотрела — исчез. Он когда ехал, слышен был топот. Когда стук копыт, „ток, ток“, до этого места слышен был. Вот так было. Мама потом выздоровела. Некоторое время спустя я все время вспоминала этот случай. Как мимо этого места иду, всегда осматривалась, это что за человек на коне был. Потом один человек мне объяснил: эти места опасные, здесь тебя „задерживают“,

этот человек тебя провел мимо этого места, проводил до неопасного. У тебя охранитель есть, ты должна придерживаться особых норм поведения. Это тебя *Алтайдын Ээзи* (Хозяин Алтая) защитил, мимо трудных мест провел, до чистого места проводил, оказывается, так сказал. Я, услышав это, поняла, конечно, каждое место ээлү с духом-хозяином. Каждая земля, по которой ходила, текущая река ээлү с духом-хозяином, растущее дерево, просто так нельзя ломать. Все ээлү, после этого я поняла. Сейчас я постарела, тогда я молодая была. Это середина 1960-х была. В такое время *Алтайдын Ээзи* (Хозяин Алтая) человека оберегает, луна-солнце защищают, все видят» [7; перевод Н. О. Тадышевой].

Также: «*Алтайдын Ээзи* [Хозяин Алтая] не просто так можно увидеть — видит видящий, слышит слышащий. *Ээзи* перевала Улагана — на бело-сером коне молодая женщина. Когда там бывала, я там всегда оставляла сережку, бусы. На Джумалинских аржанах в Кош-Агаче также молодая женщина». Пожилая информант поделилась, что «*Ээзи* можно увидеть во сне» [8; перевод Н. О. Тадышевой].

Или: «В долине *Термет* на возвышенности есть скала из щели в черном камне течет ручей. Это почитаемый ручей, сакральный. Лечит болезни глаз, сердца, печени. Я раньше туда ходила. Ручей маленькими каплями течет из расщелины камня. Внизу есть плоский синий камень, он как будто набирает воду. К этому ручью идут с просьбой, чтобы выздороветь. Иногда ручей исчезает. Повязав жертвенные ритуальные ленты, положив рядом продукты, принесенные с собой, невдалеке нужно подождать. После проведения этих действий ручей снова появляется. Для человека, пришедшего с определенной целью, для лечения, если вода [ээзи-дух-хозяин] благосклонно отнеслась, если хочет помочь, тогда появляется. Иногда ручей сильно растекается, иногда испаряется, усыхает. Но земля не высыхает, остается влажной всегда» [7; перевод Н. О. Тадышевой].

Об *Ээзи* водного источника рассказали: «После захода солнца нельзя ходить за водой, купаться, считается, что можно разбудить и разгневать духа — хозяина водного источника. Если есть сильная необходимость, то можно, назвав имя самой пожилой женщины в местности, сказать: „такая-то рождает, для нее воду беру“. Говорят, дух-хозяин даже если осерчает, не сможет найти такую беременную женщину» [9; перевод Н. О. Тадышевой].

Всё, что окружает человека, имеет духов-хозяев. Они могут быть благосклонны к людям и могут представлять угрозу для них при несоблюдении по отношению к ним особых правил. Согласно мировоззрению алтайцев, причинами болезней, несчастий человека и семьи, а в целом и неблагополучия народа, могло быть нарушение общепринятых норм и правил поведения. Поэтому так важно было их соблюдение. Через их институализацию, регламентацию и регулирование в общество по-прежнему внедряются представления о нормах, ценностях, смыслах, символах традиционной алтайской культуры.

В традиционном представлении дорога — сфера небытия, там поведение людей нерегулируемо и непредсказуемо и никакая социальность невозможна. Пересечение путей, слияние и истоки рек, заметные высотки, мостики расположены в неизвестном, неосвоенном пространстве. Архаические мифологемы об опасности в дороге в ином пространстве, мифологически опасные места на дорогах (перекрестки, около рек). Айыл — мифологически безопасное пространство, в противоположность ему дорога — мир чужой, опасный. Дом нельзя строить на перекрестке, нельзя строить там, где раньше проходила дорога.

Как поделилась информант, «дорожники приезжие, когда делали объездную дорогу, много техники пригнали. Дорогу когда проводили, выкопали наши горки, они выкопали человеческие кости там. И, короче, у нас же нельзя трогать [захоронение]. И никто не знал. И вот у них, я вот свидетель, вот когда ту дорогу копали, большой грейдер, он ехал вроде ровно и перевернулся. Но тракторист нормально, жив остался. Они [дорожники] потом приходили в магазин, и говорят, зачем нам такая работа. Мы говорим, что нельзя кости трогать. Один руку сломал, другой перевернулся, ногу сломал. И они, короче, испугались».

А еще вот на Кукуинском перевале тоже расширяли же, директор заставлял их маленькую березку с *жалама* [жертвенными лентами], чтобы расширить дорогу, чтобы ее тоже снести. А они не согласились, испугались уже» [10].

Алтайцы всегда в дороге останавливаются на особых местах, вешают *кыйра/жалама* (жертвенные ритуальные ленты), просят защиты от *Ээзи* — духа-хозяина местности в пути. Огонь не зажигают, а имитируют костер из веточек и травы, приносят приношения *Ээзи*. В повседневных поездках около сакральных мест совершается трансформированный обряд: находясь в машине, выключают музыку в автомобиле, на вершине перевала мужчины снимают головные уборы и гладят свою голову, женщины гладят косы. Эта тенденция упрощения обряда, когда обряд сохраняет свою значимость, но ритуал проведения трансформируется. Поэтому обряд повязывания жертвенных ритуальных лент в сакральных местах воспринимается не только как жертвоприношение *Ээзи* перевала, целебного источника, но и как поклонение Алтаю.

Безусловно, «чужое», «неосвоенное» пространство несло в себе опасность, а время на закате, ночью и западная сторона усиливают негативную семантику сакрального пространства. Исследователи придают особое значение дороге, которая соединяет свой мир с чужим, а на уровне ритуально-мифологических значений является началом или продолжением мира мертвых [11, с. 155]. «Народное сознание использует мифологему дороги, как яркое выражение оппозиции мир людей — мир духов. Дорога одновременно несет понятие связи и удаления (отчуждения), а также противопоставления» [12, с. 40].

В разных районах республики часто встречаются рассказы о местах, где перестают двигаться по непонятной причине, — *тургактужер*. Так, информант из Шебалинского района рассказала, что «есть места, которые не очень хорошие, особенно на закате: ночью оттуда слышатся голоса, звуки. Если путника дорога застигнет в это время там, то его лошадь не двигается. Лошадь не может идти дальше, это его черные силы удерживают. Тогда человеку нужно спешиться и ножом провести между ног лошади и, быстро вскочив, уехать» [13; перевод Н. О. Тадышевой].

В Онгудайском районе «долина, где находится *Учук-Таиш*, место, где перестают двигаться по непонятной причине. Поэтому здесь нельзя шуметь. Во время ущербной луны ночью одному нельзя находиться, с давних времен люди почитали это место. Также за долиной *Көктөңөр*, если идти вверх по Шибелик, за *Ак-Кобы* долиной есть холмистое место. Видимо, раньше здесь был каменный обвал. Может быть курганы. Чуть пройти эту местность и находится еще одно место, где перестают двигаться по непонятной причине» [7; перевод Н. О. Тадышевой].

Информант поделилась с собственным случаем: «В местности между *Көктөңөр* и *Ак-Кобы* во время ущербной луны если шуметь, развлекаться, здесь «задерживают», не дают дальше идти. Мы попадали в такое раньше, когда дояркой была. Осенью ехали мы, девушки, вместе с девушками, Надей Маймановой и другими, шумели, песни пели. Останавливаю их — не слушают. Потом дерево упало на телегу, по колесам прошелся, нас затрясло, бревно под колесо попало, послышался звук, как будто мы наехали на каменные валуны. Конь не может ехать, сил не хватает, на месте стоит, фыркает, фыркает, конь всеми четырьмя копытами старается — казалось, что силы у него на исходе. Я сразу поняла, в кармане спички были. Раньше такая одежда была плюшевая, шикетка называлась. Такую одежду носили вместо фуфайки, красовались же. Сейчас куртки одевают, а тогда такую плюшевую одежду одевали. Спички лежали в кармане. Спички, сжигая, бросала под ноги коня, под колеса телеги, зажигала спички, бросала, и прямо слышали звук, как что-то отвалилось. Конь как поскакал, фыркает. Тогда же молодые были. Вот так мы вырвались. Там была Рая, была Дьылаш, была Валя Майманова и я была. Мы, пять человек, ехали на киносеанс. После работы, подоив коров, ездили смотреть кино в *Шибее*. Иногда запрягали коня в телегу. Вот так мы вырвались. Потом смотрим — конь весь в поту, в пене. Выше огня ничего нету, так, подумав может искры огня помогут, с этой мыслью начала зажигать спички и бросать под ноги коня, под копыта, под телегу и тогда услышала звук, как что-то, упав, показилось. И тогда конь поскакал, я, очень сильно разбежавшись, прыгнула на лошадь. Молодые женщины закричали, Дьылаш даже заплакала. Такие случаи оказываются. Мы быстро поехали, если человек сам не увидит, откуда узнает. Раньше, когда говорили о таких местах, я удивлялась, думала, какое место это.

Вот такое встретили. У нас там один пожилой человек был, скотником работал, мы приехали испуганные, а коня надо привязывать на аркан. Доярки, испугавшись, убежали. А мне коня распрягать с телеги, надо привязать на аркан, а я боюсь. Подальше надо идти и привязать коня пастись, боюсь. Был у нас айыл, где мы ночевали, зову Раю, что пойдём вместе коня привязывать, они боятся, не выходят. Тогда этот человек, Ток, спросил: а что случилось, почему не заходит, про меня. Рая ему все рассказала, оказывается, что боимся коня привязать. Потом этот человек, привязав коня, нам все объяснил, что мы попали на то место, где перестают двигаться, что это очень почитаемое место, просто так же не говорят: нельзя шуметь, так сказал. Хозяин Алтая все равно сердится, остерегает, когда совершают непозволительное» [7; перевод Н. О. Тадышевой].

В Улаганском районе информант согласилась, что «место, где по непонятной причине перестаешь двигаться, как не бывает, было. Утром, вечером не проходить места были. Утром на рассвете, человека подкарауливает, либо человеком, либо собакой тебя преследует. Покрестившись, прошептав про себя, на коне скачешь [от этого места]» [8; перевод Н. О. Тадышевой].

По рассказам информантов, в Улаганском районе «есть местность Азалу, место со злыми духами. Азалу местность, раньше там жила чабан женщина, мать Баранова. Она рассказывала: ночью услышишь звук, похожий на скуление, — быть беде, к плохому это» [14; перевод Н. О. Тадышевой].

В данных рассказах усиление негативного воздействия прослеживается через ночное или предрассветное время, нарастание луны. В первом случае девушки нарушили нормы поведения — ночью шумели, песни пели. Свообразным берегом послужили для ослабления воздействия «чужого» в одном случае огонь (зажженная спичка), в другом крест (в Улаганском районе была широко распространена православная вера, что отразилось на современной синкретичной обрядности).

Также поделились, что «когда едешь в сторону Паспарты, из Балыктуюля около Чаранду озера есть местность, где машины переворачивались. Люди видели умерших. Однажды дети ехали из Балыкчы, поздним ноябрем, луна ущербная в селе проходили поминки, внук сидел на заднем сиденье. Как раз в этой местности дверца машины задняя открылась, зять остановил машину и закрыл дверь. Еще сказал — как будто кто-то сел. Отъехав недалеко, машина перевернулась, все живы остались, но машина сильно помялась.

У одной женщины рядом с этим местом был покос. Однажды поздно вечером женщина подошла в одежде советских времен — в сапогах, юбка солнышком, в платке, завязанном назад, в пиджаке тогдашнем. Женщина сказала: „Устала, дети, помогите“. Потом *неме билер киж* (человек, нечто знающий) сказал, что раньше в этой местности умерла женщина, смерть была внезапной, она не поняла. Она так

и осталась здесь, душа не ушла домой, в мир предков. Провели обряд, ее проводили домой, отправили. И все, после этого в этой местности тишина» [15; перевод Н. О. Тадышевой].

Здесь нарастание луны, поминальный день, человек, умерший в пути, не подвергшийся погребально-поминальным обрядам, считается покойником зловредным. С этим преданием связаны представления о загробном мире, которые влияют на нормы поведения, проведение обрядов. Мир предков не должен вызывать страха, ведь там продолжается жизнь. *Эрлик-Бий* наказывает по справедливости за нехорошие поступки, он стоит на страже норм поведения. Традиционные представления алтайцев отражают некоторую амбивалентность по отношению к миру предков, к умершему. Двойственность характеризуется, с одной стороны, заботой о проводах души в иной мир, одной из основных идей является правильность перехода умершего в мир предков, с другой стороны, имеет место разделение, четкое соблюдение границ Среднего мира и Нижнего мира. Все эти действия обеспечивают возвращение умершего в мир предков, а после возрождения снова в этом мире, можно сказать, жизнь в форме смерти. Поэтому необходимо обязательно сопроводить душу умершего, провести обряд *чачылга* – двуединый амбивалентный обряд перехода (букв. «кропление», здесь «кормление душ умерших»), выражающий отделение умершего из «мира бытия» и одновременно включение в «мир инобытия». Обряд проходит именно при непосредственном участии близких родственников, чтобы душа не осталась в «чужом» теперь для него мире, чтобы не причиняла вред своим близким, чтобы сохранить преемственность поколений. Повреждение сопроводительного инвентаря осуществляется для продолжения жизни в мире предков, где сломанное станет целым. Особые запретительные нормы существуют по отношению к двери айыла, ведь здесь находятся родовые стражи, охраняющие границу «своего» и «чужого». Соблюдение норм поведения в «чужом» пространстве (ночью, в тайге и др.) указывает на возможность соприкосновения через опасные пространства с областью смерти и применение магических средств, воздействуя на злые силы, символически уничтожает их.

Интересными являются представления о животном мире. Охотники придерживаются особых норм поведения при ущербной и новой луне. Как рассказал нам русский охотник, проживающий в Кош-Агачском районе более 36 лет: «Алтайцев на ущербную луну ни за что не выманишь на охоту, нельзя. Перед охотой друзья охотников проводят обряд, окропляют молоком, открывая их дорогу. По прибытии к месту стана проводится обряд угощения огня, привязываются ритуальные ленты – *кыйра*. По отношению к некоторым зверям используется табуированная лексика: волка называют *оокой*, *кёк-таай* [синий дядя по материнской линии], медведя – *абаай* [старший

брат отца]. Медведя, когда убивают, обдирают, жаривают мясо на костре, срезают верхушку молодого дерева, на нее надевают голову медведя и говорят: „На тот свет когда пойдешь, не говори, что тебя убил человек, с дерева или со скалы упал, скажи“. После удачной охоты самые жирные куски с грудинки туши, там самое сочное, жирное мясо, охотники вырезают и угощают огонь, обязательно кладут два кусочка. Хозяина местности благодарят благопожеланиями» [16].

В Усть-Канском районе, где развито скотоводство, информант поделился, что на деньги, вырученные от продажи коней, нельзя покупать автомобиль, если купить машину, вскоре случится авария и автомобиль придет в негодность. Как объяснил информант, конь – *эржинелу мал* (сакральное животное). При продаже домашней скотины обязательно хозяин с конца хвоста отстригает, чтобы *эржине* (букв. талисман, здесь – магический предмет или животное, приносящие, по представлениям алтайцев, счастье, удачу его владельцу) животного осталось в этом доме [17; перевод Н. О. Тадышевой].

В современных преданиях, легендах, быличках отражена мифологическая картина мира алтайцев: прослеживаются пространственные образы, организующие текст несказочной прозы природно-культурные объекты, отражается символика животного мира через особое отношение – табуированная лексика по отношению к волку, медведю, придание сакральности домашним животным, в частности коню. Видимо, это объясняется сохранением до наших дней анимистических, тотемных представлений в культуре алтайцев. Ограничительные и запретные нормы по отношению к ним и в наше время (не поднимать, не шуметь, ночью не брать, не загрязнять, обращаться определенным образом) – это показатель особой значимости объекта. Сохраняется воззрение, что при нарушении норм поведения обязательно последует наказание. Наблюдаются обряды, магические приемы для уменьшения наказания, просьбой прощения за нарушение норм поведения – окропление молоком, повязывание жертвенных ритуальных лент.

Полевые материалы показывают, что легенды, предания, былички сохранились в памяти народа, их основная функция – осмысление окружающего пространства и человека в нем – становятся основой для осмысления алтайцами как своего прошлого и настоящего, так и будущего. Устная традиция воспроизводит те сюжеты прошлого, которые были значимы для сохранения природы, общества, народа. Прошлое, сохраненное в легендах и преданиях алтайцев, – это не только свидетельство того, что было, но и материал для конструирования ценностей, что и проявилось в традиционной обрядности (обряд поклонения Алтаю, обряд *чачылга*, обряд посещения *аржан-суу*, магические приемы, особое отношение к животным, табуированная лексика).

N. O. Tadysheva

Modern legends, stories, and tales of the altaians: meanings, images, and functions

Annotation. This paper makes an attempt to consider the stability of archaic cults, sacred views, and variability of rituals in modern conditions with the help of modern legends, stories, and perceptions based on the author's field materials, record-

ed during the expeditions in different regions of the Altai Republic. The interest centers in the preservation of archaic views in the memory of the people, thereby analyzing what is significant for society. The record and publication of folklore field data contributes to the preservation and popularization of the historical memory of the people. **Keywords:** *Altaians, field materials, sacred space, traditional worldview, zoomorphic code, norms of behavior.*

Источники и литература

1. НА НИИА. МНЭ. Дело № 152, информант Сюмечекочва Маргарита Табачиновна, 1962 г. р., сёок майман, место рождения и проживания с. Шибе Онгудайского района Республики Алтай. Аудиозапись Н. О. Тадышевой, 2020 г.
2. НА НИИА. МНЭ. Дело № 147, информант Манатова (Бугуева) Татьяна Васильевна, 1957 г. р., сёок кёбёк, место рождения – с. Барагаш Шебалинского района, место проживания – с. Улус-Черга Шебалинского района Республики Алтай. Аудиозапись Н. О. Тадышевой, 2020 г.
3. Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.
4. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. Репринтное издание. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. 152 с.
5. Алтай сооьындар ла кеп-куучындар [Алтайские мифы и легенды] / сост.: Ямаева Е. Е., Шинжин И. Б. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. 416 с. (На алт. яз.)
6. НА НИИА. МНЭ. Дело № 147, информант Сурусманов Валерий Васильевич, 1957 г. р., сёок байлагас, место рождения – с. Верх-Кукуя Шебалинского района, место проживания с. Улус-Черга Шебалинского района Республики Алтай. Аудиозапись Н. О. Тадышевой, 2020 г.
7. НА НИИА. МНЭ. Дело № 152, информант Чочкина Нина Иосиповна, 1940 г. р., сёок төлөс, место рождения – с. Инегень Онгудайского района, место проживания с. Шибе Онгудайского района Республики Алтай. Аудиозапись Тадышевой Н. О. 2020 г.
8. НА НИИА. МНЭ. Дело № 141, информант Бадькина Мария Васильевна, 1939 г. р., сёок кёбёк, место рождения и проживания – с. Чибиля Улаганского района Республики Алтай. Аудиозапись Н. О. Тадышевой, 2019 г.
9. НА НИИА. МНЭ. Дело № 119, информант Кокшинова (Арбакова) Галина Тыпыровна, 1947 г. р., сёок кёбёк, место рождения и проживания – с. Верх-Ануй Усть-Канского района Республики Алтай. Аудиозапись Н. О. Тадышевой, 2017 г.
10. НА НИИА. МНЭ. Дело № 147, информант Бадикова (Кадыева) Зинаида Васильевна, 1965 г. р., сёок ир-кит, место рождения – с. Мариинск Шебалинского района, место проживания – с. Улус-Черга Шебалинского района Республики Алтай. Аудиозапись Н. О. Тадышевой, 2020 г.
11. Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
12. Бурнаков В. А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 208 с.
13. НА НИИА. МНЭ. Дело № 117, информант Чилбакова (Калкина) Евгения Емельяновна, 1964 г. р., сёок кёбёк, место рождения с. Паспарта Улаганского района, место проживания с. Беш-Озок Шебалинского района Республики Алтай. Аудиозапись Н. О. Тадышевой, 2018 г.
14. НА НИИА. МНЭ. Дело № 141, информант Мешкеева (Манзырова) Анфиса Алексеевна, 1920 г. р., сёок төлөс, место рождения и проживания – с. Саратан Улаганского района Республики Алтай. Аудиозапись Н. О. Тадышевой, 2019 г.
15. НА НИИА. МНЭ. Дело № 141, информант Кадранова (Дыргалова) Вера Иосифовна, 1962 г. р., сёок жабак, место рождения – Теленгит-Сортогой Кош-Агачского района, место проживания – с. Паспарта Улаганского района Республики Алтай. Аудиозапись Н. О. Тадышевой, 2019 г.
16. НА НИИА. МНЭ. Дело № 132. Охотник, место проживания с. Курай Кош-Агачского района, образование среднее специальное, запись Н. О. Тадышевой, 2019 г.
17. ПМА. Информант Антродоров Олег Васильевич, 1954 г. р., сёок очы, место рождения и проживания – с. Верх-Ануй Усть-Канского района Республики Алтай. Аудиозапись Н. О. Тадышевой, 2020 г.